

Карельские ейги 1993 – Издание подготовили Степанова А. С., Лавонен Н. А. Петрозаводск, 1993.

Карельские причитания 1976 – Издание подготовили Степанова А. С., Коски Т. А. Петрозаводск, 1976.

Конкка 2007 – Конкка А. П. Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел // Антропологический форум. М., 2007. № 6. С. 339–378.

Лимеров 1998 – Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

Мишучков 1997 – Мишучков А. А. Мифологическое мышление (обзор состояния проблемы) // Теоретический журнал «Credo». 1997. № 4.

Степанова 1985 – Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.

Степанова 2003 – Степанова А. С. Карельские причитания. Специфика жанра. Петрозаводск, 2003.

Степанова 2004 – Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004.

Степанова 2005 – Степанова Э. П. Скрытый мир причитаний Прасковьи Савельевой // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона / Составитель О. Илюха. Петрозаводск, 2005. С. 186–193.

Т. Г. Иванова
Санкт-Петербург

**Идеологема «отечество»
и ее формульное воплощение
в русских народных плачах воинской тематики**

Предметом нашего исследования являются русские причитания воинской тематики, т. е. плачи, звучавшие при проводах мужчин в армию, на войну, а также голошения, вызванные военными бедствиями. Мы обратились к материалам трех разных периодов русской истории: записи Е. В. Барсова, сделанные в 1868 г. в Олонекской губ.; тексты, собранные во время Первой мировой войны (1914–1918) И. И. Ульяновым в Пермском крае и М. К. Азадовским на р. Лене; причитания

периода Великой Отечественной войны, собранные В. Г. Базановым и А. П. Разумовой в 1942 г. на р. Печоре и в 1944–1945 гг., после освобождения г. Петрозаводска от фашистов, в Карелии.

Как это ни покажется странным человеку начала XXI в., идеологема «отечество» для крестьянского мира в 1868 г. не была безусловной ценностью. Материалы Е. В. Барсова свидетельствуют, что во второй половине XIX в. для плакальщиц очень важным было представление о так называемой «малой родине» – деревне, волости, далее которой русские крестьянки, как правило, не бывали. «Малая родина» в сознании воплениц противопоставлена всей остальной России, которая для них является чужой. Идеологема «малой родины» в севернорусских причитаниях представлена формулами «родимая сторонушка» и «родима родинка» (т. е. «родина»). В одном из голошений мать наказывает рекруту, вызванному в «злодийный город Петровский» (т. е. Петрозаводск, где собирались рекруты со всего Олонецкого края), пойти в церковь и помолиться, чтобы Господь избавил его от службы Государевой и «возвратил бы на *родиму* тебя *родинку* / И во свой да дом, крестьянскую во жирушку» [Барсов 1997: 81]. Тема «родимой родинки» и «родимой сторонушки», которую солдат вспоминает вдали от дома, пронизывает буквально все тексты, представленные у Е. В. Барсова [Барсов 1997: 53, 86, 92, 102, 104, 107, 114, 115, 118 и др.]. Пролетающая птица заставляет солдата задаться вопросом: «И на мою ль летишь *родиму на сторонушку*?» [Барсов 1997: 101]. Для олонецкого крестьянина образ «родимой сторонушки» оказывается тесно связанным со «славным Онегушкой», т. е. с Онежским озером. Видя птицу, солдат, оторванный от дома, обращается к ней:

И ты ведь слетишь на *родиму на мою родину*,
И ты под *сиверну холодную сторонушку*,
И ты за *славное за сине за Онегушко*.

[Барсов 1997: 101–102]

Образ же «большой родины» – отечества, России – для крестьян XIX в. остается неактуальным. В материалах Е. В. Барсова слова «родина» и «отечество» не зарегистрированы. Единично встретилась формула «земля русская», которая манифестирует всю Россию [Барсов 1997: 46]. В очень немногих текстах наличествует формула «Русия (Россея) подселенная», причем встречается она исключительно во фрагментах, сложенных от имени солдата. В одном из причитаний

рисуеться картина воинской присяги, которую солдаты в начале своей службы принимали в церкви:

И мы служить будем царю-богу российскому,
И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москве,
И мы спасать будем *Россею подселенную*.

[Барсов 1997: 103]

Эта же трехчастная формула в несколько измененном виде — «за веру христианскую, за Русию подселенную, за царя-то благоверного» — повторяется еще несколько раз в этом же причитании.

В причетах же, сложенных от имени женщин, провожающих новобранца в армию, образ «Русии подселенной» практически отсутствует. Представление о родине у плакальщиц связано исключительно с родной деревней. По материалам причитаний Е. В. Барсова мы можем утверждать, что на данное время еще не произошло «превращение» русских крестьян в граждан государства. Условиями, способствовавшими данному «превращению» в самом конце XIX — начале XX вв., стали развитие железных дорог и промышленности, стимулировавших в стране внутреннюю миграцию. В формировании представлений о «большой родине» сыграла свою роль и армия. Именно здесь неграмотным крестьянам, надевшим солдатские шинели, разъяснялись понятия «отечество» и «Россия». В поле нашего зрения находятся отдельные книги, предназначенные солдатам и офицерам-воспитателям, ответственным за идеологическую подготовку солдат. Д. Кашкаров в брошюре «Присяга под знаменем» (1888) после тяжеловесного и непонятного текста присяги в разделе «Назначение солдата» разъяснял новобранцам: «Назначение солдата, как вытекает из данной им клятвы, защищать Веру, Царя и Отечество от врагов внешних и внутренних» [Кашкаров 1888: 9]. Квинтэссенция идеологии до-революционной России, как известно, заключалась в данной трехчастной идеологеме — за веру, царя и отечество. Приведенные выше фрагменты причитаний фольклорным языком отображают эту идеологему: солдаты «страдали <...> за веру христианскую, <...> служили за Русию подселенную, <...> берегли <...> царя-то благоверного» [Барсов 1997: 201].

В книжке Д. Кашкарова мы находим и определение понятия «отечество»: «Отечество — это есть земля, на которой мы родились, народ, среди которого мы выросли и живем. Земля и народ, который мы должны

любить всем сердцем своим и всею душою своею, за честь, целость и благоденствие которого мы должны жертвовать своею жизнью. Наше отечество зовется „Россиєю“ и „Русским государством“» [Кашкаров 1888: 9]. Процесс формирования у крестьян представлений о «большой родине», понятно, занял несколько десятилетий. В книге Н. В. Третьякова «Беседы офицера-воспитателя с молодыми воинами» (1908) имеется пассаж, в котором разграничиваются понятия «малого» и «большого» отечества. «Что же такое отечество? – писал Н. В. Третьяков в „Беседа офицера-воспитателя с молодыми воинами“ в 1908 г. – Отечество – это земля наших отцов. Это дом, где вы родились, где ваши предки и ваши родители жили, работали, страдали, где переживали радость и горе. Это кладбище, где они покоятся под тенью деревьев, это школа, где вы учились читать и писать, где нашли себе товарищей <...> Но это маленькое отечество, оно занимает крохотной уголок в большом отечестве России <...> Большое отечество образовалось постепенно в течение многих столетий под руководством Великих Князей, Царей и Императоров. Оно доставляет маленькому отечеству неоценимые удобства и дает ему широкое существование, которого оно само по себе не могло бы достигнуть» [Третьяков 1908: 21–22]. Идеологическая пропаганда, безусловно, давала ожидаемые плоды. Представление о «большой родине», первоначально внедряемое в солдатское сознание, со временем, через солдат-отпускников, входило в крестьянский мир.

Материал периода Первой мировой войны крайне скуден. Многие изменения, которые, мы не сомневаемся, произошли в жанре воинских причитаний, в настоящее время описанию уже не поддаются. Имеющиеся в наличии тексты дают картину неполную и искаженную. Тем не менее попытаемся указать на произошедшие изменения.

Как свидетельствуют материалы, собранные И. И. Ульяновым, к началу Первой мировой войны идеологема «за веру, царя и отечество» прочно вошла в мужское сознание и в обрядовый обиход народной жизни. В статье «Клятвенные обещания в окопах» И. И. Ульянов приводит слова одного из солдат о последнем дне в родном доме: «Как теперь вижу <...> в последний час лампадка горит. Отец и мать благословляют иконой и хлебом с солью. После этого отец снимает с себя крест и надевает на меня, говоря: „Господь тебя благословит идти на доброе военное дело *служить за веру, Царя и Отечество*“» [Ульянов 1915: 7]. Подчеркнем, что в обряде благословения солдата на войну отец употребляет лексику «отечество» — именно то слово, которое входило в идеологический инструментарий российской дореволюционной армии.

В текстах И. И. Ульянова трехчастная идеологема «вера, царь и отечество» встречается неоднократно. Старушка-вопленица, приглашенная в дом новобранца для того, чтобы помогать родственницам солдата причитывать, голосит в доме, в то время как солдат, согласно ритуалу, катается на лошадях вместе со своими друзьями и посещает своих родных, прощаясь с ними:

Далеко от родимой сторонушки <...>
Тамо храбрые наши солдатушки
Они страждут за веру христианскую,
Они служат за Русь подселенную,
Сберегают царя благоверного.

[Ульянов 1914: 247]

В связи с нашей темой необходимо специально присмотреться к фигуре названной старушки-вопленицы – посторонней для семьи солдата-новобранца. Какова ее роль в обряде проводов солдата в армию в период Первой мировой войны? Как уже сказано, она должна помогать родственницам солдата причитывать, подсказывать им слова плачей. Старушка также направляла весь ритуал, руководила им, говорила, что должны делать в тот или иной момент участники обряда. Функция руководителя обряда, по-видимому, для приглашенной вопленицы является давней, исконной. Но на начало XX в. за этим действующим лицом обряда закрепляется еще одна функция, без сомнения, более поздняя – функция выражения государственной точки зрения на необходимость солдатской службы, необходимость защиты отечества. Старушка-вопленица в своих текстах манифестирует, что солдатский долг – это долг гражданский. И. И. Ульянов писал об этом персонаже обряда: «Она, в противовес родственницам и знакомым, которые вносят в свои причеты много личного элемента – сожаления, горя и внутренней тоски при расставании с воином, объясняет присутствующим великую цель призвания на войну и тем на время останавливает причитания о личном горе» [Ульянов 1914: 240]. В своем причитании приглашенная вопленица формулирует солдату цели его призыва в армию – спасение России от врагов:

Ты послужишь да верой-правдою
Государю да царю белому,
Ты спасать будешь Русь подселенную.

[Ульянов 1914: 240]

«После краткой причеты старушки, раскрывающей цель призвания воинов на службу государеву, — заключает И. И. Ульянов, — все на время успокаиваются, женщины почти перестают плакать» [Ульянов 1914: 241].

Понимание необходимости солдатской службы в военных условиях звучит также в ленских текстах М. К. Азадовского. Материал М. К. Азадовского свидетельствует о глубинной народной мудрости. Ленские крестьянки осознавали опасность политического расшатывания страны во время войны. Одна из плакальщиц, провожая в армию сына, в 1915 г. сложила следующие строки:

Ты служи-ка службу царскую,
Службу царскую неизменную,
Не изменяй ты царя белово,
Не сымайтеша с политикой,
Не слушайте вы таких шуточкох,
Не губите вы самих шебя,
Служите царю верой-правдою,
Заступайтеша за веш правошлавной мир,
И жа вшо свое отечесво.

[Азадовский 1922: 80]

Строки «Заступайтеша за веш правошлавной мир, / И жа вшо свое отечесво» могут служить доказательством того, что в предреволюционное время в крестьянском сознании уже достаточно прочно сложилось представление о «большой родине». Слово «отечество», главное в формуле «за веру, царя и отечество», входит в текст плачей.

Перейдем к плачам периода Великой Отечественной войны. Несмотря на доминирование жанра голошений в обряде проводов солдат на фронт [Базанов 1943: 54–55], воинская тема в причитаниях периода Великой Отечественной войны претерпела существенные изменения, вызванные несколькими причинами. Во-первых, к середине XX в. в России, переставшей быть аграрной страной, еще до начала войны окончательно сформировалось гражданское самосознание. Русский крестьянин, включенный в масштабные миграционные процессы, охватившие Россию еще в 1900–1910-е гг. и усилившиеся в 1930-е гг., несмотря на все негативные стороны этих процессов, к 1940-м гг. твердо осознавал себя не только жителем своей «малой родины», но и гражданином большой страны, носившей тогда наименование Советский Союз. Во-вторых, Великая Отечественная война, ставшая тяжелейшим

испытанием для России, обострила чувство патриотизма советского народа. Граждане страны (в том числе и крестьяне – носители традиционной культуры) понимали, что под угрозой поставлены независимость России, существование ее как отдельного государства. В опосредованном виде это отразилось и в причитаниях. Наконец, определенное влияние на плачи этого времени оказал и предвоенный опыт сложения причетов на смерть большевистских вождей и героев (В. И. Ленин, С. М. Киров, А. М. Горький, Н. К. Крупская, летчики В. И. Чкалов, А. К. Серов, П. Д. Осипенко и др.). Создание этих плачей, как нам уже приходилось писать, инспирировалось и поощрялось собирателями. Причитания подобного рода охотно печатались в советской прессе, а сказительницы, их сложившие, окружались почетом и уважением [см.: Рукописи, которых не было]. Все названные факторы, повторим еще раз, способствовали развитию специфических особенностей в плачах в период Великой Отечественной войны.

Итак, вернемся к нашей идеологеме. Трехчастная идеологема «за веру, царя и отечество» для государства, строившего социализм, естественно, оказалась неприемлемой. Однако от идеологемы «отечество» Советский Союз, как и любое государство, отказаться не мог. В условиях военного времени понятие «отечество» становится главным в идеологической пропаганде, однако само слово «отечество», как и в плачах дореволюционного времени, практически не встречается. По материалам В. Г. Базанова и А. П. Разумовой главной в причитаниях стала лексема «родина», причем плачи советского времени, в отличие от текстов предшествующего периода, активно употребляют слово «родина» для обозначения «большой родины», т. е. страны, которую защищают воины. В одном из печорских плачей читаем: «Он пошел да со желаньца, / *Он стоять да за свою Родину*» [Базанов–Разумова 1962: 56].

Слово «родина» в языке севернорусских причитаний получает эпитеты «великая» [Базанов–Разумова 1962: 352], «родная» [Базанов–Разумова 1962: 72]. Актуальность слова «Родина» в фольклорном формулаторстве периода Великой Отечественной войны, мы полагаем, восходит к языку средств массовой информации того времени (газеты и радио). Напомним также о знаменитом плакате «Родина-мать зовет!» художника Ираклия Моисеевича Тоидзе, созданном в первые дни войны.

Помимо слова «Родина» для выражения идеологемы «отечество» плачи используют также формулу «Россия-матушка», не зарегистрированную в материалах Е. В. Барсова: «Помоги ты, Бог, да детям

отецким / Отстоять *Россию нашу матушку*» [Базанов—Разумова 1962: 62; ср. с. 57, 68, 69, 72, 73, 74 и др.]. Не сомневаемся, что устойчивость в текстах причитаний образа-композиата (Россия + матушка) не в последнюю очередь обусловлена также названным плакатом, в котором актуализированы представления о Родине (России) как матери.

Идеологема «отечество» в фольклорном сознании периода Великой Отечественной войны сопрягается с понятием «советский». Подчеркнем, что это слово достаточно прочно укоренилось в устно-поэтическом языке причитаний военного времени: «Защитят они *страну Советскую*» [Базанов—Разумова 1962: 55; ср. с. 54, 126, 127]; «Пролил он кровь горячую / На защите *земли Советской*» [Базанов—Разумова 1962: 392]; «Забрались супостаты, / Они на землю да на русскую, / На *территорию советскую*» [Базанов—Разумова 1962: 433].

Итак, во время войны, в условиях напряженных эмоциональных переживаний, воинские причитания получили дополнительные импульсы к импровизации. Война, ставшая тяжелейшим испытанием для России, обострила национальное самосознание народов, населявших Советский Союз. Эмоциональное напряжение, как мы показали, способствовало развитию активных процессов формулоторчества, причем лексической базой для создания новых формул в основном становится язык средств массовой информации — газет и радио.

Наш анализ показал, что причитание, жанр сугубо интимный, лирический, в разных исторических условиях вступает в корреляцию с идеологией страны, что наглядно видно при исследовании определенных идеологем, в частности, идеологемы «отечество».

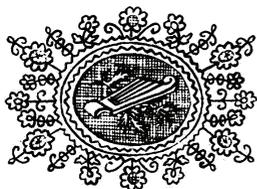
Литература

- Азадовский 1922 — Азадовский М. К. Ленские причитания. Чита, 1922.
Базанов 1943 — Базанов В. Г. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943.
Базанов—Разумова 1962 — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962.
Барсов 1997 — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подготовили Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 2.
Кашкаров 1888 — Кашкаров Д. Присяга под знаменем. Основы солдатских знаний: присяга, назначение солдата, дисциплина и знамя. СПб., 1888.
Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подготовили А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 432—511.

Третьяков 1908 – Третьяков Н. В. Беседы офицера-воспитателя с молодыми воинами. СПб., 1908.

Ульянов 1914 – Ульянов И. И. Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // Живая старина. 1914, вып. 3, 4. С. 233–270.

Ульянов 1915 – Ульянов И. И. Клятвенные обещания в окопах (из материалов, лично собранных). Пг., 1915.

В. П. Кузнецова
Петрозаводск

Старообрядческие духовные стихи Карелии

Духовные стихи (нар. термин, употребляющийся в районах Карелии, *стихи*), под которыми понимаются эпические или лирические произведения религиозного характера – это явление, чрезвычайно характерное для Русского Севера, и Карелия в этом смысле не составляет исключения. Этот жанр был распространен не только среди русского, но и среди карельского населения, он встречается в вепсском и ингерманландском фольклоре. Среди карельского населения записи, как правило, единичны, в коллекциях прибалтийско-финского фольклора Научного архива КарНЦ РАН имеется более 30 текстов, из них 16 записей сделано в Тверской области. Записи духовных стихов, произведенные от тверских карелов, публиковались в сборнике П. Бессонова «Калѣки перехожие» [Бессонов 1861–1863]. Традиция эта заимствованная, в финно-угорской среде она подверглась своеобразной переработке, но это вопрос не данного исследования.

Уже само деление на эпос и лирику говорит о том, что состав этого жанра чрезвычайно разнообразен. В него входят произведения, близкие к былинам (например, о Егории Храбром, где герой, подобно былинному богатырю, побеждает змея), есть похожие на баллады (стих о двух Лазарях), на исторические песни (например, стих о разорении Соловецкого монастыря) и даже на романсы («Умоляла мать родная»), что уже отмечалось исследователями [Новиков 1971: 211; Никитина 1993: 249].